

ТАМАРА МИХЕЕВА

ЛЁГКИЕ
ГОРЫ

КомпасГид
издательский дом

Тамара Михеева

Легкие горы

ИД "КомпасГид"

2013

Михеева Т. В.

Легкие горы / Т. В. Михеева — ИД "КомпасГид", 2013

ISBN 978-5-00083-164-9

Дина только-только идёт в школу, только-только находит новую семью, только-только знакомится со взрослыми. Всё в её жизни происходит впервые – и хорошее, и плохое. Хорошее – это друзья, игрушки, бабушкины истории, дивный хвойный лес в Лёгких горах. Плохое – это недопонимание между родителями; хуже всего – что виной тому Дина. Повесть «Лёгкие горы» полна запоминающихся, живых героев: всякий, кто помнит детство, узнает в них собственных дедушек и бабушек, маминых приятельниц или соседских мальчишек постарше. Все они, даже неродные и даже недружные – как одна большая семья, ведь «в маленьком городе каждый кому-то кум, брат, сват». Слов «кум» и «сват» Дина ещё не выучила, но сестринские чувства к другим испытывать начинает. А главное, начинает понимать переживания окружающих: оказывается, взрослые не такие уж решительные и всезнающие, да что там – не такие уж идеальные. Взрослеть девочке рано, книга и не о взрослении – она о том, как мир для ребёнка постепенно становится сложнее, богаче, многограннее. Родившаяся в уральском городе Усть-Катаве Тамара Михеева с любовью описывает и природу этих мест, и людей из глубинки: зла в её повести как будто нет вовсе, есть только человеческие ошибки и обыкновенная глупость. Лауреат множества наград и премий по детской литературе (среди них – конкурс им. С. Михалкова и Национальная премия «Заветная мечта»), Тамара Михеева – из тех редких авторов, которых любят и критики, и редакторы журналов, и читатели. Её сравнивают с Владиславом Крапивинным и Альбертом Лихановым, охотно переиздают и перечитывают. В «КомпасГиде» уже вышли две её книги: сказочное «Асино лето» и фантастические «Дети дельфинов»; в «Лёгких горах» мир вполне реален, но порою волшебным очарователен.

ISBN 978-5-00083-164-9

© Михеева Т. В., 2013
© ИД "КомпасГид", 2013

Содержание

Часть I	7
Легкие горы	7
Бабушка Тася	10
Новая жизнь	12
Лесногорск	17
Мы с Юрасем	21
Два друга	25
Волшебная поляна	29
Вечерние сказки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тамара Михеева

Лёгкие горы

© Михеева Т., текст, 2013

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2016

* * *

*Моим родителям, сестре и брату, моей бабушке и всей нашей
большой семье посвящаю я свои «Легкие горы»*

Часть I

Легкие горы

Это место называлось Легкие горы. А почему – никто не знает. И по правде сказать, неподходящее это было название. Потому что горы были совсем не легкие.

Их было три: Ясенка, Ших и Кошкары. Начиналось все с Шиха. Дорога плавно спускалась с пригорка, на котором стояла деревня, вихляла между сосен, перепрыгивала через ручей, впадающий в речку Ямолгу, и утыкалась в Ших.

У Шиха все дороги заканчивались. Вернее, расплеталась на еле заметные тропки, потому что каждый шел по Шиху, как ему вздумается, как ему сможет, как ему легче будет. Да и не шел, конечно, а еле-еле поднимался, полз, карабкался, вздыхая и отдуваясь. Тяжела гора Ших, ох тяжела...

Только бабушка Тася взойти без остановок может. Да нет, не может и она. Просто остановки у нее особенные, коротенькие и всегда по делу. Ягодку сорвать, траве-душице поклониться, деревню свою с высоты окинуть ласковым взглядом; посмотреть, не поспела ли хотя бы одним боком поздняя ягода брусника, скоро ли собирать. Или прохладно-кислую заячью капусту под язык положить, чтобы пить не хотелось. Хороша гора Ших, ох, хороша! Всё на ней есть! А воздуха сколько – дышать не надышаться! С детских лет ходит сюда бабушка Тася: траву собирать, и сухую от солнца землянику, и сладко-горькую бруснику, а все не налюбуется, не нарадуется легкой горе Ших.

Дина за бабушкой никогда не поспевает. Тяжелый Ших, тянется и тянется и никак не кончится, ни конца ни края; ноги с тропинки сбиваются, пальцы за ломкие стебли травы хватаются, а запах душицы такой густой да масляный, бьет в нос и кружит голову. Жарко. Хочется

пить. Когда наконец они добираются до верха, Динка падает без сил в траву, смотрит в небо. Ветер дует ей прямо на щеки, остужает. Будто извиняется, что Ших – тяжелая гора.

– Пойдем, Диночка, вот Кошкары перевалим, там родник есть, водички попьешь.

Бабушка тоже будто извиняется, но не перед Динкой, а перед Шихом за то, что Динка на него сердится.

Кошкары – гора обманная. Топаешь по ней, топаешь, и вроде как по дороге, а не в гору вовсе, только дорога чуть-чуть вверх забирает, и ноги медленно устают, наливаются тяжестью. А главное, обидно так – вот она, вершина, видно ее, рукой подать, а только дойдешь до нее, глядь – еще выше вершина вырастает. И так целых три раза обманывают тебя Кошкары. Да мелкие, острые камешки в сандалии лезут, сбивают шаг. У Динки от сердитости слезы на глазах выступают, и хочется закричать от злости в негнущуюся спину бабушки Таси.

Но зато кончились Кошкары, а за ними – лесочек сосновый, а в лесочке родник. Все, как бабушка Тася сказала.

Сосенки здесь были молодые, невысокие, чуть выше бабушки Таси. Только одна – старая, высоченная, с темной корой, которая отслаивалась тонкими ломкими пластинками. А ветки все – наверху, в небе. У корней сосны была каменная горка, из-под нее и бил родник, круглый как блюдце и весь засыпанный сухими рыжими иголками. Но бабушка ладонью зачерпнула – все иголки у нее в горсти и остались.

– Пей потихоньку, холодная у нас вода-то.

Ой-о-ой! Холодная! Это кто же выдумал все эти названия неправильные? Лед, а не вода, зубы у Динки сразу заломило. Но она все равно пила и пила.

У родника они немного посидели. Бабушка Тася дала Динке трехлапчатый листик, велела положить под язык, тогда долго пить не захочется.

– Заячья капуста, – сказала бабушка.

Динке сразу представились длинноухие зайцы, которые шмыгают между сосенок, когда людей нет, срывают суетливыми лапками свою капусту и под язык кладут. И прыгают потом без усталости по Легким горам.

Бабушка Тася тяжело поднялась, длинную темную юбку оправила. И Динке, хоть и не хотелось, тоже пришлось вставать. Бабушка много молчит, и Динка научилась понимать ее без слов.

Вот и Ясенка. Ясенка не просто гора, Ясенка – это скала, каменная стена над рекой Ямолгой. Ясенка так высоко уходит в небо, что у Динки затекла шея, пока она смотрела на скалу.

– Пойдем, – поторопила Динку бабушка Тася.

На Ясенку подняться можно только в обход, круто вверх, и Динка даже немножко волновалась за бабушку. Сосны, зверобой и крапива, каменистая тропинка, шишки выскакивают из-под ног, как живые. Бабушка Тася отстала, а Динка выскочила на макушку Ясенки и замерла.

Высоко-высоко – небо. Далеко-далеко, внизу, – река. И лес на весь простор. У Ясенки носятся стрижи, они строят в щелях скалы глиняные гнезда. На макушке у скалы, будто волосы на голове великана, стелются мох и розово-ползучие цветы, Динка еще не знает, как они называются. Во мху и цветах застряли сосновые шишки. Тут везде сосны, даже на скалах. А за Ясенкой разливались луга, они назывались Верхними, там росла клубника.

Вдруг совсем рядом с Динкиной ногой скользнула ящерка и скрылась в камнях. Бабушка Тася неслышно подошла сзади, положила Динке руки на плечи. И Динка услышала, как бьется ей в голову бабушкино сердце.

Бабушка Тася

Верхние луга – вот куда они шли, вот ради чего перевалили за три горы. Клубники здесь видимо-невидимо, успевай кланяться.

Динка совсем недавно гостит у бабушки Таси, но она уже поняла разницу: «собирать клубнику» и «собирать землянику».

Земляника, конечно, тоже бывает разная. Вон на Шихе ее сколько и на боках Кошкар, но это не то. Сухая она, земляника, что растет на склонах и пригорках. Настоящая земляника – в сумрачных лесах, среди тонких сосен, поросших с северной стороны голубым кружевным мхом. Среди темной травы растет земляника, алая, тяжелая. В таких лесах всегда полным-полно комаров. Они зудят и забираются даже под платок, который повязывает Динке бабушка Тася. Тяжело собирать землянику в таком лесу. Каждая ягодка наводит на Динку тоску, а ягод здесь – больше, чем комаров, алые моря, му́ка, мука, комаринно-ягодная мука. Домой бы, домой... Но бабушка Тася такая – пока ведро не наберет, ни за что не повернет к дому.

А клубника – ягода веселая, легкая, и, хоть и прячется в траве, под листьями, собирать ее нетрудно. Даже от стебля отрывается она с радостным звонким звуком. Динка легко наполняет стакан и бежит к ведру, которое бабушка Тася носит за собой, – высыпать. Клубника на Верхних лугах крупная, ведро набирается быстро.

Они вернулись на вершину Ясенки, по пути собирая в букеты сиренево-розовую душицу, коричнево-желтый зверобой и белый тысячелистник. И Динка, и бабушка Тася любят крепкий сладкий чай с легкогорными травами.

Сели на макушку Ясенки, прямо на землю. Динка таскала ягоды из ведра, а бабушка достала из висящей на плече холщовой сумки сверток. Развернула белую тряпочку, а там

и хлеб, и огурчики, все в капельках и пупырышках, перышки лука, веера укропа, два овсяных оладушка с завтрака в промасленной бумаге и даже две конфеты. Динка развернула оладьи, кусала попеременно огурчик и оладушек, а в промежутках подхватывала то укропчик, то лучок.

Бабушка Тася ела не спеша. Откусит огурец, положит его на белую тряпицу. А руки тут же опустит на темную шерстяную юбку. И Динка не может отвести от них взгляда.

Пальцы у бабушки тонкие как веточки, высушенные, сцепленные узлами костяшек, вены пролегли по кисти темными реками, оплетают пальцы. Сухие, но сильные, Динка чувствует. А ногти у бабушки ровные, чистые, гладкие. Динка смотрит на них и удивляется. Сама она ничего не делает, играет во дворе, в лес ходит, но под ногтями у нее черт знает что, не вымыть, не выскоблить. А у бабушки? У нее дел – не переделать. Во-первых, кухня. Во-вторых, огород. А еще три курочки и петух, две кошки и собака Юла. Кормить, убирать и чистить бабушка Тася Динке пока не доверяет, все делает сама. Но руки у нее всегда такие, что погладить хочется. Динка, конечно, не решится. Рот у бабушки всегда поджат, даже когда разговаривает, – поджат, и смеяться она не умеет, и улыбается будто через силу. Мама говорит, это называется «трудная жизнь». Динке хочется спросить бабушку об этом, но она не решается. Только смотрит и смотрит на острый подбородок, нос с горбинкой, сжатые губы и глаза непонятного цвета.

Динке достались обе конфеты. Она просительно посмотрела на бабушку.

– Бери, бери, – кивнула та.

Бабушка Тася сладкого мало ест. Полконфетки утром за чаем, полконфетки вечером.

Динка как-то спросила:

– Почему ты конфеты не ешь?

– Как не ем? Ем.

– Ты не так ешь. У тебя вазочка на столе три дня полная стоит.

Бабушка Тася сказала сквозь улыбку:

– Привычки нету.

И объяснять ничего не стала.

Динка не торопилась. Сосала барбариску, смотрела с обрыва на реку и лес и думала про бабушку Тасю. Трудная она, ее бабушка Тася. Динка каждый раз с духом собирается, когда хочет что-нибудь спросить.

«Ну и пусть, – думает она сейчас, сидя на макушке Ясенки. – Зато это теперь МОЯ бабушка».

Динка обвела взглядом лес, реку и горы вокруг. Не было бы бабушки Таси, не было бы у Динки и Легких гор. Динка вздохнула и прислонилась головой к бабушкиному локтю. Ноги гудели у нее от усталости, и гудели шмели над легкогорным разнотравьем.

Динка закрыла глаза и поглубже вдохнула в себя все, что ее окружало, – ведь это тоже была ее новая жизнь.

Новая жизнь

Первое время Динка еще помнила свою настоящую маму. Запах ее помнила, руки в веснушках и деревянную шкатулку, в которой лежали сережки с голубыми камешками, золотое колечко и жемчужные бусы. Еще помнила что-то огромное и очень синее, но что это, не знала. И только повзрослев, поняла – море. Как маму звали и что с ней случилось, Дина забыла. Ей было три года, когда ее привезли в детский дом. Она плакала и плакала и все не могла остановиться. Ей задавали глупый вопрос: почему ты плачешь? А она не могла ответить, только звала и звала маму, которая все не приходила. Тогда Дине сунули в руки облезлого длиннорухого зайца и отвели в изолятор.

Потихоньку, год за годом, затхлый запах зайца вытеснил из Дины запах мамы. Это был чужой запах, детдомовский, сиротский, в нем не было ничего от дома и радости, но ей не с кем было больше поделиться своим непрекращающимся горем, и она ходила везде с этим зайцем, спала с ним и сажала на колени, когда приезжали артисты. Сначала зайца пытались отнимать, потом перестали. Кому он нужен, старый и облезлый? Еще штук пять точно таких же валялось в игровой комнате.

Когда Дине исполнилось четыре года, она поняла, чего ей хочется больше всего на свете. Время от времени к ним приезжала красивая женщина с белой пушистой головой. Она гуляла с ними, играла, иногда подолгу расспрашивала о всякой ерунде, а потом шла к директору и смотрела личные дела. Пушистая женщина занималась усыновлением в Испанию. Звали ее Марина.

С Диной Марина разговаривала уже дважды. Спрашивала, помнит ли она родителей, во что любит играть и как зовут ее зайца.

– Ты похожа на испаночку, – улыбнулась как-то Марина, – такая же смуглая и черноглазая.

Все думали, что Дину скоро заберут в Испанию. И Дина, которой во сне еще изредка, но все-таки снились веснушчатые руки и большое синее море, Дина, которая ни разу не назвала ни одну нянечку мамой, – Дина хотела теперь только одного: пусть у нее будет новая мама! Пусть чужая, пусть даже некрасивая, только бы ее забрали домой!

Прошло еще два года.

Однажды приехала не Марина, а другая. Она была худая, печальная, с тонкими руками, на которых звенели браслеты. Рядом с ней ходил мужчина. Волосы у него топорщились ежиком. Мужчина разглядывал всех ребят, а Браслеты как-то сразу посмотрела на Дину внимательно и уже не сводила с нее больших ласковых глаз. Дина прожила здесь уже три года, она хотела домой. Она робко улыбнулась Браслетам и даже не подозревала, как была похожа в эту минуту на неведомую еще ей бабушку Тасю, которая не умела улыбаться.

Браслеты долго разговаривала с мужчиной-ежиком, но при этом все смотрела и смотрела на Дину. Потом эти двое позвали воспитательницу тетю Наташу, а тетя Наташа позвала Дину.

– Диночка, подойди к нам.

Подбежала вся группа. Но тетя Наташа быстро-быстро увела остальных, а Дина осталась одна напротив этих двух. Браслеты присела перед ней и посмотрела в глаза.

– Тебя зовут Дина, да?

Дина кивнула.

– А меня зовут Катя. А это Сережа.

Дина потрогала браслеты.

– Нравятся?

– А у тебя есть шкатулка?

– Шкатулка? – неуверенно сказала Браслеты. – Нет, но, если хочешь, можно будет купить.

Сережа нахмурил темные брови и стал смотреть в сторону, но Браслеты улыбалась. Тогда Дина решила выяснить все сразу.

– Ты из Испании?

– Нет, солнышко, мы из России.

Потом ей сказали, что она может идти к ребятам. Катя и Сережа спорили, но не сильно. А через месяц стало известно, что Динку Алаеву удочеряют.

– Фамилия у тебя теперь будет Хорсова. Дина Хорсова. Согласна?

– Согласна, – еле прошептала Дина. Она вспомнила, как тихо звенят браслеты на руках и как Сережа нежно обнял Катю, уводя к машине.

Она ждала новых родителей почти год. Весь год они приезжали. Чаще Катя. Мама. Теперь ее нужно было называть мамой. Она привезла красивые тетради, когда Дина пошла в первый класс, и пенал, какого ни у кого не было, и карандаши. Все Дине завидовали. Тогда мама привезла такие всем в классе. Но что-то затягивалось с удочерением, не получалось.

– Все так сложно. Столько бумаг... – говорила новая мама. Дина ее жалела.

Наконец весной все решилось. И мама приехала веселая. Сказала, что можно собираться, что на следующей неделе они ее заберут. Мама уехала. Динка вцепилась в облезлого зайца. Она не хотела с ним расставаться.

Нянечка Надя ахнула:

– У тебя же все новое будет! Тебя ж домой забирают! Вот ты какая! Задрипанного зайца пожалела! Все у тебя будет, а они-то, они-то остаются! – Ее грозный палец ткнулся в кучку ребят. Им не нужен был Динкин заяц, но нянечка Надя требовала справедливости.

Дина плакала и плакала. Когда приехала мама Катя, она не могла говорить от слез. Но нянечка Надя сама все рассказала. Она говорила, что у Дины ужасный характер и с ней будет трудно. Катя посмотрела на Дину, звякнула браслетами и сказала:

– Я скоро вернусь.

За ней захлопнулась калитка, а нянечка Надя тут же:

– Вот видишь, даже мама от такой жадной девочки уехала. Смотри, откажутся от тебя!

Динка сидела на мокрой скамейке, держала зайца на коленях. Слез не было.

Но мама вернулась. Она была сердитая. Она привезла целую огромную сумку зайцев, медведей и собак. Сунула ее нянечке Наде и села рядом с Динкой, обняла ее одной рукой. Динка уткнулась ей лицом в бок.

Забрали ее в дождливый день. Над детским домом висела серая лохматая туча. Ребята высыпали в коридоры, прижимали носы к стеклам. Никто Динке не махал. Мама вела ее через двор к машине. На Дине был новый плащ и беретик в тон.

– Привет, – сказал ей папа Сережа. Он сидел за рулем. – Поехали?

Дина кивнула. Мама захлопнула дверь. У зайца вздрогнули уши. На окна детдома Дина не смотрела.

Сначала было все хорошо. У Дины появилась своя комната. Свои игрушки. Свои книжки. И чудесный розовый стол со стулом. Кукольный дом. Платья, туфельки, сапожки с цветочками, красивый свитер, заколки и даже своя кружка. Мама купала ее каждый вечер в ванне с особенной пахучей пеной, из которой можно было строить облака и замки. После такой пены Динка почти не пахла протухшей водой, в которой в детдоме они мыли ноги все по очереди, начиная с малышей, в одной и той же воде. Динку записали в школу. Правда, опять в первый класс.

Ко многому Динке пришлось привыкать. Оказывается, простыни и пододеяльники тоже стирают, как носки и трусы, фрукты нужно мыть, а овощи чистить ножом. Раньше Динка не знала, что картошка на самом деле коричневая, а не белая, что мыло бывает разноцветным, что полы протирают руками, а не шваброй. Она училась мыть посуду, пришивать пуговицы и даже делать чай сладким. В первые дни она молча пила невкусный чай, но наконец решилась сказать:

– Чай невкусный.

– Почему? – удивилась мама и тут же догадалась. – Да ты сахар-то положи, Дина!

И мама пододвинула ей фарфоровую сахарницу. Там лежала крупная желтоватая соль.

– Это сахар, – сказала мама и протянула Динке ложку. – Ты какой любишь? Сильно сладкий? Положи две. Размешай. Теперь вкусно?

Динка кивнула и сказала:

– А у нас в детдоме чай сразу сладкий!

Папа вскочил и вышел из кухни. Динка испуганно уткнулась в кружку.

А зато она умеет аккуратно постель заправлять! Ее всегда хвалили за это! Она хотела сказать это маме, но потом вспомнила, что здесь это не нужно: постель убиралась в ящик дивана.

Долго Динка не могла привыкнуть засыпать одна. Мама читала ей книжку, целовала и уходила, прикрыв дверь. Тускло горел ночник – улыбающийся месяц. Было слышно, как за окном проносятся вдоль их дома машины и гудят тополя. Динка потихоньку вставала, выскальзывала из своей комнаты и садилась на пороге родительской. Они смотрели телевизор или шептались о чем-то, будто Динки и не было. Несколько раз она так и засыпала у них на пороге. Открыв дверь, папа чертыхался, мама охала, и они несли Динку в постель.

Потом Динка стала замечать, что новые мама с папой ссорятся, потом – что из-за нее, что папа недоволен ею, а мама – папой. Потом они поругались совсем сильно, и папа ушел. Его не было несколько дней, но потом он вернулся, и все было по-старому.

Динка мучилась, потому что не знала, что она делает не так. Но ничего не говорила, боялась говорить, боялась, что с ней заговорят об этом, ведь все равно здесь было лучше, чем в детдоме. Потому что каждое утро мама вела ее в школу, где никто не знал, что она приемная. Потому что мама целовала ее в щеки, перед тем как уйти. Потому что мама всегда улыбалась, даже если Динка вдруг разбивала тарелку или проливала компот, а вечерами они вдвоем подолгу лежали в обнимку на кровати и читали по очереди книжки: строчку – Дина, страницу – мама. Перед сном мама рассказывала про далекую бабушку Тасю, замечательный город Лесногорск и волшебные Легкие горы.

При папе нужно было вести себя тихо-тихо, а при маме – как хотелось.

Потом он ушел совсем.

– Это из-за меня.

– Нет, Диночка, что ты... просто...

Динка чувствовала, как мучительно подбирает мама слова. Медленные слезы катились по маминым щекам и капали Динке на макушку. Казалось, мама сама не замечает, что плачет.

– Просто мы очень долго жили одни, ему трудно привыкнуть и... – Мама опять замолчала. Потом сказала сердито: – Но знаешь, тебя я люблю больше, чем его.

Когда Динка окончила первый класс, мама сказала, что, наверное, они переедут из этого большого города в Лесногорск.

– У меня там и братья, и мама рядышком, там хорошо. Там так хорошо, Динка, тебе обязательно понравится!

Динка была уверена, что понравится. Она понимала, что здесь маме одной, без папы, трудно, а там, конечно, и брат Саша, и брат Петя. И бабушка Тася. Там горы и речка, можно купаться все лето и ходить за ягодами, грибами, там у Динки много двоюродных братьев и сестер...

Всех их Динка боялась. Боялась тихих маминых разговоров по телефону, когда там, на другом конце, ее спрашивали: «Дина? Как же полностью? Диана?» И мама вкрадчиво, будто извиняясь, говорила, нет, что вообще-то, по документам, Динара, но какое это имеет значение, и почему не может быть просто Дины? Боялась, что неведомые ей далекие, чужие Вика, Миша, Женька, Андрюша и Юрась будут смеяться над ее старым зайцем, а она ничего не сможет объяснить. Боялась, что она глупая. Что все уйдут, как папа Сережа. Вместе с мамой она послушно рассматривала их на фотографиях.

– А почему твой брат такой старенький?

– Саша? – смеялась мама. – Ну, он старше меня на восемнадцать лет... Я ведь тоже уже не молодая, Динусь.

С фотографии смотрел на Динку синеглазый старик. Прямо в сердце смотрел. Нет, мама молодая...

– А это все его дети, да?

– Нет, его только Светочка и Вика. – Мама проводит по лицам пальцем. – А остальные – это Петины. Он у нас богатый. Три сына!

Богатый дядя Петя совсем другой. Он толстый. Улыбчивый. Рыжий. Взгляд его скользит мимо Динки. Рядом его худенькая жена тетя Аня. Дина отложила фотографии в сторону. В синий с подсолнухом ранец легли аккуратно трусики и майки, тетрадь, карандаши, закладки, книжка «Мурзук» Бианки, заяц...

Лесногорск так Лесногорск. Динке все равно, где жить. Лишь бы с мамой.

Лесногорск

Динка первый раз ехала на поезде. У нее была удобная нижняя боковая полка, и можно было целыми днями смотреть в окно. На проплывающие мимо поля, речушки, мосты через них, переезды с полосатыми шлагбаумами, вереницы машин, огороды с низкорослыми домиками, тонкие облака в небе, кусты с желтыми цветами, пасущихся коров. А однажды – вот это да! – из зарослей кустарника на краю поля вышли две косули и застыли, глядя на поезд. Мама даже вскрикнула:

– Смотри, Дина, косули! Смотри!

И все соседи как один бросились к окну. Косули постояли, трогая ноздрями воздух, и бросились наутек. Соседи обсудили, откуда бы это здесь взялись косулям, так близко к железной дороге, и успокоились, а Дина вдруг спросила:

– А там есть море?

– В Лесногорске? – удивленно вскинула брови мама. – Нет, нету.

Динка смотрела в окно. Чем дольше она жила с новой мамой, тем реже и реже приходили к ней воспоминания ее самого раннего детства, когда был еще у нее родной дом и родная мама. Динка иногда сама не могла понять, что это: воспоминание или просто давний сон.

Мама пристально смотрела на нее и вдруг спросила, впервые за два года, будто почувствовав:

– Ты помнишь своих родителей?

Она так нехорошо это спросила. Безличное «родителей» вместо «маму» поцарапало Динку, и та невольно отодвинулась, насупилась. Но тут же мама притянула ее к себе и прошептала ей на ухо:

– Как только все устроится в Лесногорске, я найду работу, подкопим денег и съездим в тот город, где ты родилась. Слышишь, Дина, обязательно. Там есть море.

В Лесногорске их встречал мамин брат дядя Саша. Они приехали туда рано утром, и весь город плавал в туманном молоке. Только вдруг выплывали из этого молока то вершина горы, то домик с резными ставенками, то исполинский тополь. Перила моста, черно-белая коза на нем, остров на реке, весь поросший ивами... Выплыл и дядя Саша, сияя синими глазами, как пароход сигнальными огнями. Он расцеловал маму, подхватил Динку, поднял высоко над туманом и сказал радостно:

– Вот ты, значит, какая, красавица! Ну, прыгайте в машину, дома пироги-ватрушки стынут, Марина напекла на целую армию.

– Ну что ты, – испугалась мама, – зачем ты, мы сразу к маме...

– А вот это видела? – И седой дядя Саша показал маме фигушку.

Динка прыснула, а мама покачала головой. Но больше не спорила и тоже улыбнулась.

У дяди Саши была большая квартира в самом центре Лесногорска. Этот дом и все, что было в нем – и тетя Марина, и Вика, и сам дядя Саша, – называлось Крымовы.

– Ты, наверное, страшно богатый, – шепотом сказала ему Динка.

– Ну не то чтобы страшно... – шепотом ответил дядя Саша, – но почти.

Они ели пироги с мясом, с капустой, с яблоками, пили чай, было желе, светло-желтое, прозрачное, с кислинкой. Динка слушала, как говорили про то, что Света сейчас в Москве, а приедет только в августе, всё дела-заботы; ребята – хорошо, Юрась совсем большой стал, самостоятельный, а Вика такая красавица. У Пети тоже все хорошо, Женька только от рук отбился, еле-еле девятый класс закончил, что дальше – непонятно.

– Как мама?

Нормально, по возрасту, опять настояла, чтобы отвезли ее в Легкие Горы, не могу, говорит, летом в городе, а страшно, она там совсем одна, купили ей телефон, а толку-то, она и подходить к нему боится...

У Динки тяжелели веки, наполнялись снами, в которых плавно качался на волнах поезд, и машинист с дяди Сашиними глазами махал ей и просил дружить с Юрасем и не обижать Женьку...

Утром мама повела Динку на экскурсию по Лесногорску. Город был странный. Он лежал, как в чаше, между пологих гор, и даже на самой центральной площади было тихо и пахло близким лесом. По обочинам дорог росли кашка, одуванчики, на газоне у серого дома паслась белая лошадь с жеребенком. В центре города стоял дворец с колоннами, вокруг дворца был парк.

– Что это? – шепотом спросила Динка.

– Это Дворец культуры, я здесь занималась в театре, когда маленькая была. И в танцевальном, и пела... Почему ты шепчешь? Тебе страшно?

Динка замотала головой. Нет, совсем не страшно, просто как-то... Она не могла объяснить. Разросшийся парк, с травой в Динкин рост, с лопухами, огромными, как полотенца, с асфальтовыми дорожками, в трещинах которых прорастал подорожник, парк со всеми этими покореженными скамейками, заброшенными фонтанами, старыми деревьями, похожими на гигантских коричневых ящериц, будто протянул Динке руки и сказал: «Здравствуй, Динка!»

– Когда-то здесь все было по-другому... – сказала мама со вздохом. – За ним следили, и фонтаны работали, и детская площадка была, да и вообще, сами берегли все, вот такого не было. – Мама, нахмурившись, подняла с дорожки смятую банку от пива, отнесла в урну. – Но знаешь, мне здесь все равно нравится! Ему больше ста лет, нашему парку, представляешь? А однажды, я помню, сюда прилетела зимой настоящая полярная сова! Мы даже успели ее сфотографировать...

Мама замолчала, будто не знала, что еще сказать про свой любимый парк. Можно было бы еще вспомнить, что именно здесь ей впервые признался в любви мальчишка и какое было тогда солнце и золотой листопад... Здесь она узнала от брата Саши, что ее папа уезжает в Москву, и она, скучая по нему, ходила по этим дорожкам, думала, думала год, два, три... Пока не поняла, что он не вернется. Здесь они с Сережей решили, что усыновят ребенка из детского дома...

Динка взяла ее за руку, и Катя вдруг почувствовала, как к глазам подбираются слезы.

– Пойдем, пойдем скорее, я покажу тебе наш завод и речку! – сказала Катя поспешно.

Уходя, Динка украдкой погладила одно дерево. У него была теплая, будто кожа, кора, по ней полз муравей.

Мы с Юрасем

Это случилось в тот день, когда Юрась решил окончательно: все, хватит с него этого лагеря. Пусть сами сюда едут, если им так хочется «интересной жизни и новых друзей», а с него хватит. Не жалко было ничуточки. Ну... конечно, он подведет вожатую Юлю, она хорошая, но что она может сделать, чтобы было не так тоскливо?

Собирался Юрась недолго. Побросал вещи в рюкзак, написал и подбросил Юле записку и на рассвете махнул в город. Умнее, конечно, было бы пойти в Легкие Горы к бабушке Тасе, туда и ближе, но Юрась здраво рассудил, что бабушку не проведешь, она знает, до какого числа Юрась должен быть в лагере.

А Юрась не мог в лагере. Его мучили предчувствия. Мама третий раз за весну-лето уехала в Москву. А теперь совсем надолго. Говорит: хороший проект, заработаем кучу денег, рванем куда-нибудь на море, хочешь, Юрась, на море? Не хочет он. Потому что измучился весь. Потому что чувствует: не в проекте дело. Почему с мартовской, той, самой первой поездки она так изменилась? Почти не сердится, но и не говорит с ним больше подолгу, пароль поставила на свой ноутбук, а еще звонить кто-то стал и молчать в трубку, если Юрась возьмет. Мама тогда пошутила:

– О, Юрась, твои поклонницы, наверное?

А у самой губы дрогнули, он заметил, почти улыбнулись, а глаза виноватые. Все из-за ее глаз! Юрась с них читает как с листа.

В лагерь на все лето – тоже ее идея.

– Ну как ты будешь здесь один?

– Не один, а с дедом.

– Ой, дед весь день на работе, и бабушка тоже...

– Ну тогда к бабушке Тасе.

– Да я с ума сойду! Там и река, и скалы, и лес такой дикий, я тебя знаю, ты же на месте сидеть не будешь. Нет, дорогой, давай-ка в лагерь, в коллектив, под присмотром...

А у самой глаза умоляющие – прости, прости меня, прости... Юрась, хватаясь за соломинку, проговорил почти шепотом:

– Бабушка сказала, тетя Катя приезжает.

Мама вздохнула:

– Ты думаешь, ей будет до тебя? Надо перевезти вещи, квартиру найти, работу, и потом...

Ты же знаешь, у нее теперь дочка...

– Приемная!

– Ну и что? – возмутилась мама. – Ну и что, Юрась? Ты что? Это же... я не знаю! – Она зашагала по комнате крупными, нервными шагами. – Катя такая счастливая стала, как появилась у нее эта девочка. Юрась!

– Что?

– Ты ее не обижай, слышишь? Она теперь член нашей семьи, такая же, как ты, Женька, Вика... Понял?

– А я все лето в лагере буду, я ее не увижу! – мстительно сказал Юрась и закрылся в своей комнате.

И вот он садится в автобус. Мама поправляет ему рубашку, улыбается грустно, что-то говорят в мегафон, фыркают один за другим автобусы и уезжают, уезжают...

В лагере на длинных и тоскливых сончасах он все сопоставил, обдумал и понял: скоро в его жизни произойдут перемены. Конечно, перемены эти могут быть только к худшему. Знаем – читали и в кино видели.

Всю жизнь они жили с мамой вместе, не одни, конечно, были рядом и дед, и бабушка, двоюродные братья-сестры, дядьки, бабушка Тася была. Но все равно он и мама были как твердое круглое яблоко. Никогда бы раньше она не отправила его в лагерь, если бы он сам не захотел, а теперь? Юрась ЕГО в глаза еще не видел, даже не знает, как ЕГО зовут, а ОН уже разлучает их с мамой.

Если бы не тяжкие думы, в лагере было бы вполне сносно, даже интересно. Но сейчас... сейчас Юрась чувствовал себя на тропе войны, на поле боя. И бой этот был у него дома. И вот Юрась ушел. Ему чудилась погоня. Он шел лесом, уходя подальше от дороги.

Дома разрывался телефон, но Юрась его отключил, он понимал, что звонят из лагеря. Так, теперь нужно было подготовиться к осаде. За ним наверняка придут. К тому же он может встретить знакомых на улице, они доложат деду. Значит, нужно очень быстро сбежать за продуктами, запастись, чтобы потом можно было до приезда мамы, то есть два месяца, не выходить из дома. Юрась вскрыл свою копилку (прощайте, ролики!) и отправился за покупками. Он купил хлеба и молока, колбасы, чипсов, яиц...

– Юрась!

Он метнулся в сторону, но запнулся и чуть не упал.

... Темные, длинные, ожидающие – вот какие были у девочки глаза. Узкое, строгое, какое-то треугольное лицо. Крупными блестящими кольцами – черные волосы. Рваная челка. Тонкая шейка. Она смотрела своими глазищами на Юрася, снизу вверх, и вдруг улыбнулась. У Юрася мурашки пробежали по рукам, ему показалось, что девочка улыбнулась впервые в жизни.

– Ты – Юрась, – не спросила, а сказала она.

А Катя уже обнимала его, целовала, тормошила...

– А Саша сказал, ты в лагере...

– Нас отпустили на один день, то есть я приехал с вожатой... м-м-м... за призами, сейчас обратно...

– Ой, мы тебя навестим! Да, Динка, навестим? Ты в каком отряде?

– Я... мне идти надо! – Он выскочил, оттолкнув девочку с прохода, она обернулась и смотрела ему вслед, пока мама не сказала ей:

– Ну вот это наш Юрась, дяди Сашин внук. Вырос как!

Вечером стали звонить в дверь, стучать и звать его. Юрась спрятался в ванной. Потом все стихло. Он не зажигал свет, боялся, что его увидят с улицы и вышибут дверь. В темноте всплывали инопланетные глаза девчонки, которая стала его родственницей.

– Тетей, – усмехнулся Юрась.

Ему было непонятно и странно, что он не чувствует к девчонке ни презрения, ни жалости, ни интереса, ничего такого, – будто она всегда с Катей жила, будто своя, будто в ней неведомым образом соединились и бабушка Тася, и бабушка Марина, и мама, и тетя Катя, и даже Вика... Назло маме ему хотелось не принять девчонку, отодвинуть. Это Катя взяла ее, вот пусть сама с ней и будет, а они новую родственницу не просили!

Заснул Юрась злой.

А утром пришел дед. Открыл дверь запасным ключом, который мама оставляла у него на всякий случай.

Потряс сонного Юрася за плечо.

– Вставай, мне нужна твоя помощь.

Юрась вскочил, предстал перед дедом – голова ниже плеч.

– Катю с Диной надо отвести в Легкие Горы, пойдём, поможешь с вещами.

Юрась вскинул голову. Нет, облегчения не было. Он готов был к любому нагоняю, даже если дед его выпорот, чего никогда раньше не происходило, он даже согласился бы сейчас вернуться в лагерь! Но дед ни слова про это не сказал. И теперь ходи вот мучайся от невысказанных слов. Юрась ходил и мучался.

В машине молчали. Дед с тетей Катей сидели впереди, Юрась с Динкой сзади.

– Мы с Юрасем сядем сзади, – сказала Динка и зачем-то сунула Юрасю желтого облезлого зайца. Юрась молча положил его на сиденье.

Когда проехали железную дорогу, она сказала:

– Мы с Юрасем будем гостить у бабушки. Пить парное молоко и ходить за ягодами.

Юрась фыркнул. Но Динка даже не посмотрела на него, она говорила это деду.

После Центральной усадьбы она сказала:

– Там страшные скалы, с пещерами, но мы с Юрасем туда не полезем.

Динка уставилась на него своими глазищами. Юрась буркнул что-то в ответ.

– А мы с Юрасем...

– Надеюсь, вы с Юрасем не будете никуда сбегать, а то ведь я и выдрать могу! – сказал дед.

И Юрасю полегчало.

Бабушка Тася встретила их сурово. Сухо расцеловалась с дедом и Катей, одинаково равнодушно погладила по голове и Юрася, и Динку. Юрась никак не мог понять, к кому относится эта суровость: к нему, сбежавшему из лагеря, или к этой чужой девчонке, которая сразу притихла и оробела, крепче вцепилась в Катину ладонь.

«Ничего бы этого не было, – вдруг понял Юрась, – если бы мама не уехала в свою Москву».

Катя звала пить чай, но Юрась не пошел. Он сел на поленницу у темной теплой стены сарая, закрыл глаза. Поплыли перед глазами круги и пятна, золотые, оранжевые.

– Дина, Юрась! Чай замерзнет! – кричала Катя.

Юрась вдруг пожалел эту девчонку: у бабушки Таси не забалуешь. Хотя ей, наверное, не привыкать, после детдома... Юрасю так тоскливо стало, что хоть вой. Как попала Динка в детдом, где ее родители? Может, и живы, может, ее мама тоже собралась второй раз замуж, а Динку – с глаз долой?

– Дядя Саша звонил твоей маме по телефону, – услышал он совсем рядом Динкин голос, но почему-то не удивился, даже глаз не открыл. – Я слышала, как он с ней разговаривал. Он сказал, что так нечестно и что она должна обязательно приехать и с тобой все обсудить. А что обсудить, Юрась?

Когда Юрась понял, что дед на его стороне, он все-таки не выдержал и заплакал. Он всхлипывал в ладони, а Динка сидела рядом, положив горячую руку ему на спину и прислонив голову к его плечу. Когда слезы кончились, Юрась сказал сердито:

– Никому не говори, поняла?

Динка только кивнула. И Юрась ей сразу поверил.

Два друга

Как только Динка приехала к бабушке Тасе, у нее появилось два друга. Первый друг сам выбежал ей навстречу, едва мама толкнула калитку. Разметая воробьев по двору, хлопая ушами, путаясь на поворотах в лапах, летела им навстречу самая смешная собака в мире. Она была тощая и длинноногая, а лаяла так звонко, что Динка зажала уши, а мама засмеялась:

– Юла, Юла...

Собака стала ластиться, упала на живот, поползла к дяде Саше, потом к Юрасю, перевернулась на спину, будто просила, чтобы ее погладили, и косила то на маму, то на Динку темными круглыми глазами. Динка засмеялась и погладила Юлу по пузу. Юла тут же вскочила и лизнула Динку в щеку, в нос, в губы.

– Ну-ну, суматошная, отстань, – сказала, выходя на крылечко, бабушка Тася.

Юла была необычной собакой. Появилась она у бабушки Таси вот как.

Это случилось три года назад, бабушка Тася тогда еще постоянно жила в Легких Горах, хотя зимой дорогу заносило и добраться до города иногда было просто невозможно.

Январь перевалил за середину. Стояли крещенские морозы, да такие, каких давно в этих краях не было. Бабушка Тася утеплита стайку, где жила молодая козочка Беляша и десяток кур. Тяжело стало за водой ходить, хоть и колодец недалеко. Вода в колодце покрывается тонким стеклом льда. Ведро пробивает в стекле узкую лунку, вода набирается медленно, нехотя. Каждый раз, когда надо было идти за водой, бабушка Тася собиралась с духом. Хорошо, что расчистили дорогу, завтра обещал приехать Саша, он наносит воды на неделю. Но сегодня-то как? Надо идти.

Скрипит, ворчит под ногой снег, будто слова выговаривает, воздух звенит льдинками, обжигает зубы при каждом вдохе. Белая шапка на крыше колодца. Варежки примерзают к ручке ведра. Стукнуло ведро об лед, что-то взвизгнуло. То ли ручка у ведра, то ли ворот у колодца, и бабушка Тася не могла понять, почему ведро так тяжело. А когда вытащила, ахнула. В воде, перемешанной с крошками льда, барахтался, пытаясь выбраться, щенок. Его когти скользили по стенкам ведра. Щенок так посмотрел на бабушку Тасю темными круглыми глазами, что она сдернула с головы шаль, укутала его, мокрого, крупно дрожащего, посеменила домой, бросив у колодца и ведро и коромысло.

Сначала бабушка Тася думала, что ей не выходить щенка.

– Девка, – констатировала она, подняв щенка за шкирку и внимательно осмотрев. – Иди-ка вот...

Она достала старую Сашину шапку-ушанку, уложила туда щенка, укрыла пуховым платком и устроила у жарко натопленной печи. Но щенок дрожал не переставая и все пытался из шапки выскочить.

– Лежи, лежи, вот юла, куда ты скочешь?

Но щенок все-таки выбрался из шапки, на полусогнутых, дрожащих дошел до спасительницы и ткнулся ей в ноги.

– Что ты будешь, а... – проворчала бабушка Тася.

Взяла низкую скамеечку, села у печи, закутала щенка в платок, положила его на колени. Накрыла сверху своими горячими сухими руками. Щенок дрожал и дрожал, и будто всхлипывал, и жаловался, но наконец уснул, пригревшись.

– Юла ты, Юла, – вздохнула бабушка Тася. Она смотрела на огонь, мерцавший в круглых дырках печной дверцы.

А наутро пришел к бабушке Тасе сосед, дед Телятьев. Коромысло принес да ведро.

– Ты чего это, Таисья Александровна, ведра по всей деревне разбросала? – И тут же ахнул. – Люська! Люська моя! Ты как здесь? Ты почему здесь? Я ж тебя по всей деревне...

– Но-но, Николай Витальевич, вы не очень-то руки протягивайте! – прикрикнула бабушка Тася, сгребая Юлу на руки. – Никакая она не ваша, а была бы ваша, так чего ж она в колодце делала?

– Где? – вытаращил глаза дед Телятьев. – Я ее неделю назад из городу привез... На вокзале подобрал, а вчера она у меня пропала, и как улизнала, ума не приложу...

– Ты поменьше-то болтай, – рассердилась бабушка Тася, – собака сама в колодец не прыгнет!

Дед Телятьев обиделся.

– Ты что же, Таисья Александровна, первый день меня знаешь? Или мы с тобой всю жизнь забор в забор не прожили? Иль не знаешь, какое я отношение к любой скотине имею?

Это была правда, дед Телятьев сильно зверей любил, и у него дома всегда кто-нибудь жил – «квартировал», говорил он. То стриж с поломанным крылом, то ежик, которого он в реке в наводнение выловил, то кошки-собаки... Деда Телятьева даже прозвали в деревне Дедом Мазаем. Бабушка Тася все это прекрасно знала, но не смутилась.

– Как же, скажи, она в колодец попала? С неба, что ли?

Дед Телятьев ласково прищурился.

– С неба не с неба, Таисья Александровна, а мысль твоя верная... Я твое ведерочко когда сейчас прибирал, заметил: у колодца-то сугроб наметен, прямо до края. Бежала поди моя Люська по сугробу, да и свалилась, она больно резвая...

– Может, и так, – подумав, согласилась бабушка Тася. – А только все одно: никакая она теперь не твоя, и зовут ее уж целый день как по-другому. За ведро спасибо, а что случилось, то случилось, так что...

И бабушка Тася выразительно показала глазами на дверь.

Дед Телятьев присел перед Юлой, погладил ее большой своей ладонью, сказал, улыбаясь в бороду:

– Эх, Люська, суровая у тебя хозяйка теперь будет. Лучше б ты дома сидела...

– Ладно вам шептаться-то, Николай Витальевич, пойдем чай пить. Замерз поди, пока ведро-то тащил.

– Замерз, Таисья Александровна, ох замерз... Уж и не помню, когда такие морозы у нас были...

– И не говори, Николай Витальевич...

И они пошли пить чай. Юла осталась жить у бабушки Таси, но так как была умна не по собачьи, то бегала есть и к деду Телятьеву. У него и миска для нее всегда стояла, и лежала конфетка в кармане, потому что Юла была сластеной.

– Ласковый теленок двух маток сосет, – усмехался дядя Саша, видя, как Юла, пообедав дома, бежала через дыру в заборе к Телятьеву. Характер у нее и правда был ласковый. Только пьяных она сильно не любила – заливалась злобным лаем и скалила белые клыки...

Все это рассказал Динке Юрась, пока они сидели на поленнице у сарая. Юла тоже была тут. То копала нору у морковной грядки («Крот, что ли, завелся?» – удивился Юрась), то подбегала к ребятам, обнюхивала с ног до головы Динку и тыкалась в ее ладони («Знакомится», – усмехался Юрась). Необыкновенные были у Юлы глаза. Темные, умные, Динка даже решила, что никакая Юла не собака, а заколдованная принцесса. Спросить у Юрася об этом Динка, конечно, постеснялась, но относиться к Юле стала по-особенному.

– Айда в лес? – предложил Юрась.

– А мама?

– А чего мама? Думаешь, не разрешит? – Он тут же подскочил к окну. – Тетя Катя! Мы с Динкой в лес! – И, не дожидаясь ответа, пошел к калитке. Динка бросилась за ним, а Юла – за Динкой.

– Долго не ходите! – крикнула им Катя вдогонку.

– Подружились, – вздохнула она, садясь за стол.

Бабушка Тася промолчала. Саша хмыкнул.

– Ты когда в город? – спросил он Катю.

– Не знаю еще... Поживем немножко, пусть привыкнет... – Она посмотрела на бабушку Тасю. – Mam, ну что ты мне ничего не скажешь? Как тебе новая внучка?

Бабушка Тася плечами пожала, встала из-за стола, стала тарелки убирать. Катя тоскливыми глазами посмотрела на брата. Он ободряюще улыбнулся ей: ничего, мол, привыкнет, надо подождать.

– Чего говорить-то? – сказала тут бабушка Тася. – Дитё и дитё. Чужих детей, говорят, не бывает.

Катя шумно выдохнула, улыбнулась Саше. И он заметил, что глаза ее блестят и вот-вот сорвутся с ресниц слезы. Он сказал быстро и деловито:

– Я поговорил с Артемьевым, он возьмет тебя на работу, надо только тебе сходить к нему...

– Спасибо, Саш, я... Давай во вторник?

– Ладно, я ему позвоню.

Много деревьев в лесу, и все разные.

– У нас здесь только сосны растут, никаких других не встретишь, – с гордостью сказал Юрась. – Ну, у ручья есть черемуха, да у Ямолги – ивы. Ну, шиповник встречается, только это же не дерево, так... А сосны, думаешь, простые? Не-ет, они корабельные называются, это потому, что из них мачты на кораблях раньше ставили. Смотри, какие они – одна к одной!

Но для Динки у каждой сосны свое лицо. Юрась лез в горку, щелкая сухим стеблем по траве, а Динка замерла. Среди других, высоких, стройных – ко-ра-бель-ных! – сосен стояла одна, особенная. Высокая? Да, выше всех! Огромная, ветки – мосты... Но даже не в этом дело. Ствол сосны сиял, охваченный солнцем. Динка будто видела под твердой корой золотые потоки смолы. Они лились реками, светились, и свет их освещал и сосну, и траву вокруг, и другие сосны, и Динку... Это было сильное дерево. Живое.

Динка поднесла ладошку к стволу. Даже на расстоянии она почувствовала, какая теплая у него кора. Тогда Динка погладила ствол и прижалась к нему щекой.

– Ты где там? – крикнул Юрась.

Динка испуганно вздрогнула и бросилась его догонять. Она несколько раз обернулась, чтобы запомнить место, где растёт ЕЕ сосна, потому что сразу поняла, что захочет прийти сюда еще и еще.

И на следующий день, и потом водил Юрась Динку по лесу. Сосны вокруг стояли величавые, спокойные, они смотрели свысока на Динку и на Юрася, но в этом взгляде не было высокомерия, только дружеское снисхождение. Динка то и дело задирала голову и смотрела вверх, туда, где в синей-синей синеве шептались с ветром колючие сосновые лапы. А когда уставала, то садилась прямо на землю, прижималась к стволу спиной. Набирала в ладонь горсть земляники, опрокидывала в рот.

Динка может весь день бродить по лесу и с Юрасем, и с мамой, и совсем одна. Она бы и бродила, если бы не боялась, что бабушка Тася ее потеряет. Хороший друг ее лес, с ним никогда не скучно.

Волшебная поляна

Мама пожила в Легких Горах три дня и уехала в Лесногорск. Динка знала, что так надо, что у мамы много дел, но все равно было грустно. С мамой уехал и Юрась. Дядя Саша сказал, что все они будут приезжать на выходные. Динка скучала. Она слонялась по двору, ходила хвостиком за суровой бабушкой Тасей – из дома в летнюю кухню, с кухни в огород, из огорода в стайку, потом снова в дом...

Динка ходила за бабушкой Тасей, а Юла ходила за Динкой. Динка училась у бабушки Таси молчать, но Юла молчать не умела. Она то заливалась лаем на соседа, то рычала на петуха, то фыркала, почуяв крота у свекольной грядки... Бабушка Тася сердилась и гоняла Юлу. Динка Юлу жалела. Она открывала ворота, и они шли гулять.

Динка любила подолгу гулять с Юлой. Сначала они шли по улице, по деревянному тротуару, и Динка всегда снимала сандалии, чтобы лучше чувствовать, какие доски гладкие и теплые. Юла рыскала в траве, выискивая мышьиные норы. Деревянный тротуар заканчивался вместе с улицей, там, где начинался спуск к реке. Спуск был крутой и плавно изгибался сначала в одну сторону, потом в другую. Динка всегда бежала здесь бегом, чтобы было страшнее. А тормозила только у самой воды.

Вот она, Ямолга. Вода в Ямолге коричневая, ласковая. Здесь, у деревни, река поворачивает к Шиху, течение быстрое, пережат на пережатом. Поэтому купаться все ходят к Причальной скале, или, как здесь говорят, к Причалам. Хотя, конечно, никакого причала там нет и в помине. Есть невысокая скала, похожая на огромного медведя, стоящего на четырех лапах и выгнувшего спину, в скалу вбиты железные болты с кольцами. Раньше, когда Ямолга была

судоходной, здесь швартовались рыбацкие лодки и пароходики, только это так давно было, что даже бабушка Тася не помнит. Ямолга давно обмелела, сейчас по ней только на резиновой лодке и можно проплыть. А железные болты с кольцами так и остались в скале. Здесь, около Причальной скалы, хорошо купаться. Вода течет дремотно, ласково...

Жаль, мама взяла с Динки честное слово, что одна она в воду не полезет. Да и Юлу жалко. Юла воды боится. Когда кто-нибудь из своих заходит в воду, Юла начинает бегать по берегу и жалобно скулить, будто вернуться просит, а потом, отчаявшись, бросается следом. Плывет, а глаза такие несчастные! И дрожит, будто сразу вспоминает, как упала зимой в колодец. Вот и сейчас Юла переступает передними лапами и с тревогой смотрит на Динку: пойдет та купаться или нет? Динка села на траву, положила руку Юле на шею. И Юла сразу успокоилась.

Они посидели немного и пошли в лес. Недалеко от Причалов есть любимое Динкино место. Она сама его нашла, когда гуляла по лесу. Она шла по лесу, от своей сосны, и деревья вокруг стояли старые, могучие. И вдруг они расступились, и на небольшой солнечной поляне Динка увидела тонкие сосеночки, стоявшие будто подружки в хороводе. И такие они были молодые, крепкие, что у Динки сразу здесь настроение поднималось, как бы ей ни было грустно. Поэтому Динка любила сюда приходить. Ей все казалось, что сосеночки – это заколдованные девочки, такие же, как она сама. Хвоя у них нежно-нежно зеленая и мягкая, почти не колется, и особенная кора, тоненькая, как бумага, золотистая, теплая. Динка иногда возьмет такую чешуйку сосновой коры и подбросит вверх. Опускаясь, она кружится, мельтешит, будто большая рыжая бабочка, и солнце просвечивает сквозь нее. Даже воздух здесь особенный, будто даже теплее в прохладный день и прохладнее в жаркий.

Динка никому еще про это место не говорила, даже Юрасю. Она бы, может, и сказала, да он в городе все время, у него отработка в школе и занятия с репетитором по английскому, а на выходных времени мало. А впопыхах ведь такое не расскажешь. Вдруг Юрась не поймет, как Динке важны эти четырнадцать сосен, как она с ними разговаривает, гладит их стволы; не поймет, что Динка всем им дала имена и придумала, почему злая колдунья их заколдовала...

Вдруг Динка увидела, что на поляне не одна.

Это были братья Мироновы. Они Динку не знали, а она их знала, ей Юрась издалека показывал. Того, что поменьше, звали Владиком, а того, что постарше, – Геркой.

– Вообще-то я с ними с весенних каникул не дружу, – сказал тогда Юрась пренебрежительно и стал следить украдкой за братьями: куда они пойдут?

– Почему? – спросила Динка.

– Ну их...

И было понятно, что совсем не «ну».

– Ты чья? – спросил Герка Динку.

– Ничья.

– Дети ничьи не бывают.

– А, – обрадовался Владик, – это бабки Таси новая внучка, приемышная!

Герка не глядя отвесил брату подзатыльник.

– Ты его не слушай, у него ум за языком не поспевает. Тебя как зовут?

– Дина.

– А меня Герка, а его – Владик, только он дурак.

– Сам дурак!

– Молчи уж, – ласково попросил Герка и все смотрел на Динку. – Вообще-то мы не ссоримся, потому что братья. Ты правда из детдома?

– Правда, – Динка опустила голову.

– Не переживай, у нас тебя никто не обидит. Юрась за тебя всем голову оторвет. Бабка-то не обижает?

Динка помотала головой. Потом подумала, что этого недостаточно, и сказала:

– Она хорошая.

– А мамка?

– Тоже.

– Ну и конечно. По мне, пускай хоть какие родители, хоть свои, хоть приемные, лишь бы не били. Вот у нас в классе Ванька, его знаешь как родная мать лупит!

Динка молчала. Герка был важный и смешной.

– А ты чего здесь? Ну, делаешь-то здесь чего, в лесу?

– Так... – растерялась Динка, – гуляю...

– Ага, – встрял Владик, – мы тоже гуляем, смотрим, какие деревья кто пометил...

Динка не поняла, что такого Владик сказал, только Герка как заорет на него:

– Ты чего? Чего ты треплешь, а? Прсят тебя, да? Молчи, пока я тебе... – Он схватил брата за шиворот и потащил прочь от Динки и все что-то говорил, только уже не громко, а сквозь зубы.

Владик не сопротивлялся. Динка подумала сначала, что они какие-то странные, а потом, что у них есть секрет, а Владик чуть не проболтался.

«Ничего, – подумала она, – послезавтра приедет Юрась, и мы с ним всё узнаем».

Вечерние сказки

Вечером Динка укладывается спать так: сворачивает покрывало, кладет его себе в ноги, взбивает подушку, подражая бабушке Тасе, укладывает рядом с подушкой зайца. Потом забирется под одеяло и сворачивается калачиком. Просит бабушку рассказать сказку. Читать бабушка не может, глаза видят плохо.

– Да, я, Диночка, и сказок-то не знаю... Что тебе рассказать?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.